

~~СПЕЦИАЛЬНЫЙ ОТДЕЛЪ.~~**Третій международный конгрессъ по криминаль-
ной антропологии въ Брюсселѣ.**

Приступая къ описанію настоящаго конгресса, прежде всего нужно сказать, что его никоимъ образомъ нельзя считать международнымъ, и что такое названіе ему присвоено совершенно несправедливо. Всѣ сообщенія и дебаты велись на французскомъ языкѣ, тогда какъ на международныхъ конгрессахъ пользуются равнымъ правомъ три языка: англійскій, французскій и нѣмецкій. Но главное, почему этотъ конгрессъ не международный, а французскій (французскаго языка, но не государства), это — отсутствіе ученыхъ большинства странъ: не было ни одного англичанина, ни одного американца, ни одного шведа, всего одинъ итальянецъ и т. д. Само собою разумѣется, я говорю объ ученыхъ, а не путешественникахъ, отъ нечего дѣлать навѣщающихъ конгрессы. Изъ Германіи были А. Ф. Листъ, Мендель и Некке, изъ Австріи — Бенедиктъ и Маравезикъ, изъ Россіи — Дехтеревъ, Дриль, Закревскій, Манукинъ, Мержеевскій и я. Мы знаемъ, почему не было итальянскихъ ученыхъ; не берусь рѣшать, правы ли они или нѣтъ; ихъ отсутствіе придало конгрессу особый отпечатокъ и было весьма ощутительно. Можно догадываться, почему изъ сосѣдней Германіи было такъ мало ученыхъ, но совершенно непонятно, почему не было англичанъ: съѣздъ Британской Ассоціаціи не могъ помѣшать прибытію ихъ, по крайней мѣрѣ къ концу съѣзда. Такое отсутствіе ученыхъ многихъ странъ нельзя считать резуль-

татомъ бездѣтельности организаціоннаго комитета; по крайней мѣрѣ онъ сдѣлалъ все, чтобы придать значеніе съѣзду, чтобы сдѣлать членамъ конгресса пребываніе въ Брюсселѣ пріятнымъ. Засѣданія съѣзда, происходившія съ 7-го по 13-е августа (н. с.) удостоились посѣщенія короля, который въ тотъ же день принималъ вечеромъ всѣхъ членовъ съѣзда во дворцѣ; на вечерѣ присутствовали многіе министры. Почетнымъ предсѣдателемъ конгресса былъ г. министръ юстиціи Ле-Жень, присутствовавшій почти на всѣхъ засѣданіяхъ съѣзда. Бразилія, Китай, Данія, Мексика, Венгрія, Италія, Японія, Парагвай, Голландія, Румынія, Россія, Швейцарія командировали оффиціальныхъ представителей; много ученыхъ обществъ Бельгіи, Голландіи и Международный Союзъ Уголовнаго Права имѣли на конгрессѣ своихъ представителей.

Молешотъ и Бруардель прислали телеграммы съ выраженіемъ сожалѣнія по поводу того, что не могутъ прибыть на съѣзды: у Молешота умерла жена, Бруардель занятъ былъ по поводу эпидеміи, посѣтившей и Францію.

Занятія съѣзда продолжались шесть дней (7-го было только торжественное засѣданіе); было выслушано болѣе 40 докладовъ, причемъ нѣкоторые, наприм. «О мѣрахъ по отношенію къ неисправимымъ», принадлежали тремъ авторамъ. Всего засѣданій было 13 (10-го—по поводу поѣздки членовъ конгресса въ Монсъ съ цѣлью осмотра заведенія для душевно-больныхъ женщинъ—было только одно засѣданіе).

Къ сожалѣнію, неприбытіе къ назначенному времени нѣкоторыхъ докладчиковъ заставило измѣнить порядокъ занятій, почему я не могу излагать сообщеній и преній по ихъ поводу въ хронологическомъ порядкѣ, а изложу по отдѣльнымъ вопросамъ, обсуждавшимся на съѣздѣ, причемъ о вопросахъ специальныхъ, а также второстепенныхъ скажу весьма кратко, чтобы съ большею подробностью остановиться на существенныхъ, составившихъ главную работу съѣзда.

Группируя доклады, читанные на съѣздѣ, я раздѣлю ихъ: а) на посвященные изученію преступнаго чловѣка и причинъ преступленія вообще, б) тракующіе вообще значеніе криминальной антропологіи, с) относящіеся къ судебной медицинѣ вообще и къ судебной психопатологіи въ частности, d) разсматривающіе практическіе вопросы, вытекающіе изъ принциповъ криминальной антропологіи.

Едва ли появится скоро полный отчетъ 3-го конгресса,—по крайней мѣрѣ отчетъ конгресса въ Парижѣ былъ опубликованъ почти два года спустя. Поэтому мой отчетъ можетъ имѣть значеніе даже для тѣхъ, которые специально интересуются вопросомъ; тѣ же, которые не имѣютъ возможности изучить большой томъ полнаго отчета, въ настоящемъ очеркѣ найдутъ все существенное.

I.

Прежде всего нужно упомянуть о докладѣ *Мануврье* «Предварительные вопросы при сравнительномъ изученіи преступниковъ и честныхъ людей». Онъ разбираетъ общій вопросъ о возможности изученія преступника по сравненію съ честными людьми и отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно. По его мнѣнію, Ломброзо и другіе авторы совершенно неправильно смѣшиваютъ преступниковъ и арестантовъ; послѣдніе составляютъ только нѣкоторую часть преступниковъ и притомъ самыхъ жалкихъ, глупыхъ, неловкихъ. Ту же ошибку онъ отмѣчаетъ и въ изученіи проститутокъ. На основаніи изслѣдованія проститутокъ самаго низшаго разряда никоимъ образомъ нельзя заключать о всѣхъ; очевидно, что красивыя, умныя проститутки ничуть не похожи на тѣхъ несчастныхъ обитательницъ публичныхъ домовъ, которыя были изслѣдованы и у которыхъ оказалось такъ много признаковъ вырожденія.

Еще болѣе трудно найти что-либо общее между всѣми преступниками, изъ которыхъ нѣкоторые пользуются всеобщимъ почетомъ, другіе считаются честными людьми, и наконецъ, третьи населяютъ тюрьмы. Нерѣдко только случай рѣшаетъ, остается ли преступникъ на свободѣ, или попадаетъ въ тюрьму. Понятно, что мы никоимъ образомъ не можемъ изучать преступниковъ, а только нѣкоторыхъ изъ нихъ—арестантовъ. Далѣе Мануврье повторяетъ уже высказанныя имъ идеи о томъ, что преступленіе есть социальное явленіе, что оно—результатъ социальныхъ условій, что при тѣхъ же данныхъ, какъ физическихъ, такъ и психическихъ, субъектъ можетъ остаться честнымъ или преступнымъ, смотря по тому, среди какихъ социальныхъ условій онъ будетъ дѣйствовать. Никакихъ преній этотъ докладъ не вызвалъ.

Конечно, главное содержаніе занятій съѣзда—это разработка ученія объ особенностяхъ организациі преступниковъ, или, принимая поправку Мануврье, арестантовъ.

Однако, по этому вопросу работы не были многочисленны и ни одна из них не имѣетъ большого значенія. Не лишена интереса работа *Мотэ*: «Мотивы (les mobiles) преступленія у дѣтей и подростковъ». Почтенный докладчикъ, громадная опытность котораго придаетъ большую цѣнность его заключеніямъ, дѣлитъ дѣтей-преступниковъ на три категоріи: а) Случайные преступники: по большей части любопытство, живость характера, дурной примѣръ—вотъ причины преступленія; эти дѣти рѣдко рецидивируютъ и вообще ихъ легко предохранить отъ повторенія преступленія. б) Инстинктивные преступники. Это лишенные добрыхъ началъ, стыда дѣти; они злы, лживы и потому обыкновенно неудержимо идутъ по пути преступленій. Авторъ полагаетъ, что причина такого извращенія—среда, въ которой они выросли; рядомъ съ этимъ онъ утверждаетъ, что преступники этой категоріи неисправимы, что указываетъ уже на порочность организаціи. в) Дѣти съ недостаточными умственными способностями, вырождающіеся; это по большей части потомки пьяницъ, нервно-и душевно-больныхъ. Тутъ невозможно исправленіе, потому что причина преступности—несовершенство организаціи. Къ сожалѣнію авторъ не далъ точныхъ цифръ какъ общаго числа своихъ наблюденій, такъ и цифръ каждой категоріи. Такимъ образомъ, мы видимъ, что самый опытный наблюдатель изъ всѣхъ присутствовавшихъ на съѣздѣ допускаетъ, что есть врожденные преступники, и утверждаетъ, что преступность обычно развивается на почвѣ вырожденія. Совершенно положительные результаты получилъ *Некке*: «Признаки вырожденія у здоровыхъ, душевно-больныхъ и преступныхъ женщинъ, заболѣвшихъ душевною болѣзнью». Авторъ, на основаніи тщательно произведенныхъ изслѣдованій на значительномъ числѣ субъектовъ, пришелъ къ выводу, что у душевно-больныхъ и преступницъ признаки вырожденія и между прочимъ тѣ, которые *Ломброзо* считаетъ характерными для преступнаго человѣка, встрѣчаются гораздо чаще, чѣмъ у здоровыхъ. Особую цѣнность выводы автора имѣютъ потому, что онъ изслѣдовалъ субъектовъ изъ одной и той же мѣстности, одного и того же класса общества, и т. д. Работа автора будетъ напечатана въ *Allgemeine Zeitschr. f. Psychiat.* и, по моему мнѣнію, заслуживаетъ вниманія. Къ совершенно отрицательнымъ выводамъ пришли *Узэ* и *Варно* (*Houze, Warnots*): «Существуетъ ли анатомическій типъ преступника», а также *Тири* и *Франкоттэ* (*Thiry, Francotte*).

Оба доклада положительно утверждаютъ, что самыя тщательныя провѣрочныя изслѣдованія результатовъ, найденныхъ Ломброзо, привели ихъ къ заключенію, что организація преступника ничѣмъ не отличается отъ организаціи честныхъ людей. Насколько могу судить, Тири и Франкоттъ не могли придти къ другимъ результатамъ при той грубой техникѣ изслѣдованія, которою они пользовались. Не внушаетъ большого довѣрія и первый докладъ: авторы заранѣе были того убѣжденія, что причины преступленія социальныя.

Нельзя этого сказать про работу г-жи *Тарновской* «Органы чувствъ у преступницъ». Авторъ изслѣдовалъ органы чувствъ у здоровыхъ, у проституттокъ и у преступницъ, причемъ оказалось, что никакой значительной разницы въ этомъ отношеніи между изслѣдованными нѣтъ; проститутки и преступницы часто имѣютъ болѣе развитой вкусъ, чѣмъ честныя женщины того же класса общества, что, конечно, объясняется образомъ жизни. Авторъ совершенно справедливо заключаетъ, что эти результаты ничуть не противорѣчатъ тому общему положенію, что многія преступницы надѣлены несовершенною организаціей, какъ то доказываютъ и ея собственныя антропометрическія изслѣдованія.

Совершенно теоретическаго характера было сообщеніе *Лакас-сая* «Основныя (primordiaux) чувствованія преступниковъ». Если я говорю объ этомъ сообщеніи, то только въ виду извѣстности автора; само сообщеніе могло вызвать только удивленіе со стороны всѣхъ знающихъ физиологію головного мозга. Авторъ совершенно произвольно дѣлитъ преступниковъ на три группы, смотря по тому, какія части мозга, а слѣдовательно и психическія способности у нихъ развиты: а) съ преобладаніемъ лобныхъ долей и умственной жизни, в) съ преобладаніемъ темянныхъ (инстинкты), с) затылочныхъ долей (чувствованія). Такъ какъ затылочныя доли стоятъ въ связи съ органами питанія, то эти преступники постоянно въ зависимости отъ внѣшнихъ условій и вотъ почему социальныя условія—причина преступленій. Все это непонятно, недоказательно и противорѣчитъ даннымъ физиологіи и патологіи.

Въ сообщеніяхъ и въ преніяхъ постоянно, на всѣ лады и по всякому поводу, повторялось, что преступленіе есть явленіе социальное, что причина преступленія—въ социальной жизни. Кто знаетъ складъ ума француза и тѣ идеи, которыя владѣютъ умами

Франціи, для того совершенно понятно, что иначе и быть не могло. Къ сожалѣнію, ничего новаго по этому поводу сказано не было, и среди всѣхъ повтореній излюбленной идеи все таки видно было, что кое что изъ ученія итальянцевъ проникло въ общее сознаніе. Всѣ повторяли, что причина преступленій соціальныя условія, но соглашались по крайней мѣрѣ, что соціальныя условія прежде всего ведутъ къ вырожденію и уже на почвѣ вырожденія вызываютъ преступленіе. Какъ убѣдительно и неоспоримо, что многіе преступники не что иное какъ вырождающіеся, это прекрасно иллюстрируется слѣдующимъ случаемъ: *Кюйлицъ* въ своемъ безсодержательномъ докладѣ («Патологическое происхожденіе признаковъ, приписываемыхъ врожденному преступнику») старался доказать, что причина преступленій—среда, что преступники ничѣмъ не отличаются отъ честныхъ людей, и между прочимъ показалъ собранію фотографію субъекта съ многочисленными признаками вырожденія и, тѣмъ не менѣе, во всю жизнь будто бы не совершившаго преступленія. *Варно* узнаетъ по фотографіи субъекта, отбывшаго до 50 наказаній, между ними 15 лѣтъ каторжныхъ работъ. *Кюйлицъ* черезъ два дня, вооружившись официальными документами, опровергаетъ *Варно* и наивно увѣряетъ, что этотъ субъектъ не совершилъ ни одного преступленія, но дѣйствительно онъ алкоголикъ и былъ приговоренъ восемь разъ, но не за преступленія, а за проступки, между которыми была даже кража. Среди общаго хохота *Кюйлицъ* долженъ былъ прекратить свои объясненія. По моему мнѣнію этотъ инцидентъ прекрасно характеризуетъ настоящій конгрессъ: противъ собственнаго желанія противниковъ итальянской школы доказано; что не только по наружному виду, но даже по фотографіи можно очень часто (конечно далеко не всегда, какъ утверждаютъ нѣкоторые итальянцы) узнать преступнаго человѣка. Какъ бы ни сваливали все на соціальныя условія, все таки субъективный факторъ преступленія самое главное, и заслуга итальянской школы неоспорима. Правда, своими преувеличеніями и ошибками *Ломброзо* много повредилъ своему дѣлу, но кто умѣетъ отдѣлять пшеницу отъ плевелъ, тотъ понимаетъ, что между многочисленными заблужденіями представители итальянской школы высказали столь важныя и новыя идеи, что всѣ усилія толпы опровергнуть основныя положенія останутся безплодными.

Верхомъ увлеченія было сообщеніе патолого-анатома *Дальманя*

«Функциональная этиология преступления». Деятельность человека, въ томъ числѣ и преступная, имѣетъ три мотива, обусловлена тремя стремленіями: а) стремленіе поддерживать свой организмъ, б) половыя стремленія, с) интеллектуальныя стремленія. Причина преступленій въ неудовлетвореніи этихъ стремленій; если общество мѣшаетъ человѣку удовлетворять свои естественныя побужденія, онъ удовлетворяетъ ихъ во вредъ обществу. Изученіе преступленія должно состоять въ изученіи потребностей человѣческой натуры.

Никто не протестовалъ противъ этого сообщенія; напротивъ, какъ по поводу его, такъ и неоднократно по поводу другихъ сообщеній, было высказано, что причина преступленій—внѣшнія условія.

Вотъ въ сущности все существенное, что было сказано по главному вопросу; я не останавливаюсь на докладахъ Бенедикта, Узе и Гудензіу о краниометріи, такъ какъ они вполне спеціальны и для описанія ихъ нужны таблицы и рисунки. Среди членовъ сѣзда не было авторитетныхъ анатомовъ, которые могли бы критически отнестись къ сообщеніямъ авторовъ; поэтому нужно ждать, когда эти работы станутъ предметомъ обсужденія въ спеціальной прессѣ.

Весьма близко къ главному вопросу сѣзда стоялъ докладъ *Тарда* «О преступленіяхъ толпы». Собственно самый докладъ не содержалъ ничего новаго; свои взгляды авторъ уже давно изложилъ весьма подробно; едва ли члены сѣзда, не читавшіе раньше главной работы Тарда, что-либо вынесли изъ засѣданія: такъ спутанно и непоследовательно говорилъ докладчикъ. Интересны были пренія. Г. Закревскій вполне убѣдительно доказалъ, что во многихъ массовыхъ преступленіяхъ положительно нельзя отличить руководителей, подстрекателей отъ остальной толпы; ссылаясь на свой опытъ и указывая на послѣднія волненія черни на Волгѣ, ораторъ высказалъ, что въ этихъ преступленіяхъ часто безъ всякой подготовки, безъ всякаго плана, вся толпа, подъ влияніемъ общаго всѣмъ аффекта, обращается въ звѣря. Бенедиктъ отличаетъ шайку злоумышленниковъ, въ которой всѣ одинаково виноваты, отъ толпы, увлеченной аффектомъ, дѣйствующей совершенно бессмысленно; эти преступленія, какъ они ни ужасны, заслуживаютъ состраданія, а не ненависти. Если и есть главари толпы въ такихъ преступленіяхъ, то это по большей части вырождающіеся, крайне глупые субъекты; вслѣдствіе своей болѣз-

ненной неуравновѣшенности, эти субъекты легко впадаютъ въ аффектъ, а по крайней ограниченности умственныхъ способностей они не могутъ ни понять своего положенія, ни представить послѣдствій своихъ поступковъ. Гарнье вполне согласенъ,—а его опыту въ этомъ отношеніи мы можемъ вполне довѣрять,—что главарями такихъ преступленій почти всегда бываютъ вырождающіеся, неуравновѣшенные, со слабыми умственными силами, субъекты; они легко увлекаются, всецѣло отдаются аффекту и своимъ слѣпымъ увлеченіемъ дѣйствуютъ на толпу. Кромѣ того, Гарнье сдѣлалъ весьма цѣнное замѣчаніе: въ этихъ преступленіяхъ большое значеніе имѣетъ алкоголь; почти всегда въ этой толпѣ не мало алкоголиковъ и очень много пьяныхъ въ большей или меньшей степени. Наши массовыя преступленія вполне подтверждаютъ это заключеніе Гарнье (главнаго врача отдѣленія для душевно-больныхъ при Парижской полиціи.)

И такъ, мы еще разъ видимъ, что невольно, если затронуть вопросъ о причинахъ преступленія, возвращаешься къ положенію итальянской школы, что большинство или, по крайней мѣрѣ, многіе преступники надѣлены особою организаціей; даже въ общихъ преступленіяхъ наибольшую роль играютъ эти предрасположенные къ преступленію субъекты; ядъ нервной системы—алкоголь—подталкиваетъ цѣлую толпу на преступленія, понижая нравственныя чувства и вообще угнетая нравственную сторону человѣческой души.

Дени (ректоръ университета въ Брюсселѣ) въ обширномъ докладѣ «Преступность и экономическіе кризисы», чтеніе котораго сопровождалось демонстраціей многочисленныхъ кривыхъ, доказалъ, на основаніи статистики Бельгіи съ 1845 г., зависимость числа преступленій отъ экономическаго состоянія страны. Въ годы экономическихъ кризисовъ возрастало число преступленій вообще, въ особенности же число преступленій противъ собственности и нищенство. Само собою разумѣется, что если нищенство относить къ преступленіямъ, то общее число преступленій въ голодные годы будетъ больше, чѣмъ въ годы хорошаго урожая и благосостоянія. Доказано, что во Франціи параллельно съ возрастаніемъ общаго благосостоянія увеличилось число преступленій, и потому Дени доказалъ только, что нищенство (а потому и преступность вообще) возрастаетъ въ годы бѣдствій, что весьма понятно и общеизвѣстно.

II.

Между докладами, посвященными общимъ вопросамъ о значеніи криминальной антропологии, какъ науки, и ея значеніи въ жизни, считаю нужнымъ привести доклады *Ф. Листа*, *Гаукера* и *Дриля*. Докладъ *Листа* потому заслуживаетъ особаго вниманія, что авторъ—убѣжденный противникъ Ломброзо и извѣстный юристъ; тѣмъ не менѣе взгляды, развитые въ этомъ докладѣ, суть логическій выводъ изъ ученія итальянской школы, что даже можно видѣть изъ самаго заглавія сообщенія «Обзоръ примѣненій криминальной антропологии». Авторъ выходитъ изъ слѣдующаго положенія: преступленіе, какъ и всякое дѣйствіе чловѣка, результатъ двухъ группъ факторовъ: индивидуальныхъ, частью врожденныхъ, частью пріобрѣтенныхъ, и внѣшнихъ обстоятельствъ, сопровождающихъ совершеніе акта. Разумная и плодотворная борьба противъ преступленія должна состоять изъ воздѣйствія на эти факторы, для чего они должны тщательно изучаться; при анализѣ социальныхъ условій, обуславливающихъ преступность, нужно имѣть въ виду не только тѣ условія, среди которыхъ совершено преступленіе, но и всѣ тѣ, которыя вліяли на формирование личности преступника, и наконецъ тѣ, которыя вліяли на его предковъ; мы знаемъ, что нищета, непосильный трудъ и т. д., обуславливаютъ вырожденіе потомства. По относительному значенію двухъ вышеупомянутыхъ факторовъ, преступниковъ слѣдуетъ дѣлить на двѣ категоріи: первую составляютъ случайные преступники, и эти преступленія вызваны внѣшними обстоятельствами; вторую—привычные преступники или «преступники по природѣ» (*Zustandsverbrecher*). Въ этихъ преступленіяхъ внѣшнія условія отступаютъ на второй планъ; главную роль играютъ личныя особенности преступника; онъ самъ создаетъ внѣшнія подходящія условія, т. е. не обстоятельства толкаютъ его на преступленія, но онъ самъ создаетъ такую обстановку, при которой необходимо преступленіе. Преступники первой категоріи ничѣмъ не отличаются отъ честныхъ людей; преступники второй—должны имѣть особую природу (*Zustand*); эти особенности могутъ быть пріобрѣтены преступною и просто распутною жизнью или, наконецъ, врождены. Между этими преступниками съ врожденною преступною организаціей очень много вырождающихся, и причина вырожденія—наслѣдственность. Признавая существованіе этой

группы преступниковъ, мы тѣмъ самымъ предъявляемъ новыя требованія законодательствамъ, а именно законъ долженъ различать случайныхъ преступниковъ отъ преступниковъ по натурѣ. Относительно первыхъ наказаніе имѣеть цѣлью внушить ненарушимость закона. Совсѣмъ другія цѣли долженъ преслѣдовать законъ относительно преступниковъ по натурѣ: тѣ изъ нихъ, вырожденіе которыхъ излѣчимо, должны быть исправляемы, ихъ нужно лѣчить; можно надѣяться, напр., на исправленіе малолѣтнихъ преступниковъ; тѣ же, которые будутъ признаны неизлѣчимыми, должны быть поставлены въ такія условія, при которыхъ они не могутъ вредить себѣ и другимъ. Какъ называть ихъ— «преступниками» или «больными», признавать ихъ «вмѣняемыми» или нѣтъ, заключать ихъ въ «тюрьмы одиночнаго заключенія» или въ «пріюты»,— это совершенно безразлично, главное—это сдѣлать ихъ безопасными.

Какъ само по себѣ, такъ и по замѣчаніямъ, которыя оно вызвало, заслуживаетъ вниманія сообщеніе *Гаукера* «Объ относительномъ значеніи соціальныхъ и антропологическихъ элементовъ въ опредѣленіи наказанія». Почтенный авторъ весьма ясно опредѣлилъ тѣ цѣли, которыя преслѣдуетъ позитивная школа права, и тѣ методы, которыми она пользуется, а также и то, какое значеніе она придаетъ криминальной антропологии. Наказаніе, по ученію позитивной школы права, имѣеть слѣдующія цѣли: а) защитить общество отъ преступника, лишивъ его возможности дѣлать вредъ обществу; б) возстановить интересы пострадавшаго; с) утратить тѣхъ, которые могли бы подражать преступнику, будь то преступные люди или честные. Это—утилитарныя цѣли, которыя преслѣдуетъ уголовное наказаніе. Для достиженія первой цѣли криминальная антропология даетъ самый цѣнный матеріалъ, такъ какъ, очевидно, для того, чтобы сдѣлать преступника безвреднымъ, нужно знать его организацію; она даетъ намъ матеріалъ для заключеній о неисправимости, о патологическомъ состояніи преступника, въ соотвѣтствіи съ чѣмъ должны быть приняты тѣ или другія мѣры для охраненія общества. Гораздо меньше можетъ дать криминальная антропология для достиженія третьей цѣли уголовного наказанія, хотя и здѣсь она намъ указываетъ, что есть субъекты, относительно которыхъ никакое устрашеніе не оказываетъ ни малѣйшаго вліянія. Кромѣ утилитарныхъ цѣлей, наказаніе имѣеть назначеніе удовлетворять соціальнымъ чувство-

ваніямъ людей:—ненависти, страху, состраданію и, наконецъ, высшему изъ чувствованій—справедливости. Здѣсь уже область социологіи, которая изучаетъ всѣ элементы общественной жизни, и рациональное законодательство должно принимать въ расчетъ всѣ эти чувства и имъ удовлетворять.

По поводу этого сообщенія г. Дриль замѣтилъ, что напрасно думаютъ, будто Ломброзо не обратилъ вниманія и не оцѣнилъ значенія социальныхъ условій, какъ причины преступленій; понятно, что Ломброзо занимается изученіемъ вопроса въ сферѣ своей специальности. Пренсъ и Ванъ-Гамель указали докладчику, что даже для пониманія социальной части уголовного наказанія криминальная антропологія имѣетъ громадное значеніе; тѣ чувства, которымъ должно удовлетворять уголовное наказаніе, не представляютъ ничего неизмѣннаго, они измѣняются и развиваются, и чтобы понять ихъ и ихъ развитіе, нужно изученіе челоуѣка, т. е. криминальная антропологія. Она, наконецъ, учитъ насъ, съ какими чувствами нужно относиться къ преступникамъ разной категоріи.

Затѣмъ Листъ въ длинной рѣчи характеризировалъ классическую и позитивную школы права. Причины преступленія—въ социальныхъ условіяхъ: вырожденіе, слабая болѣзненная организація, которою надѣлено большинство преступниковъ, суть результаты истощенія родителей, бѣдности и антигигиеническихъ условій вообще, алкоголизма и рахитизма въ частности. Юристы должны изучать эти условія, ихъ вліяніе на преступность, чтобы понять преступленіе какъ социальное явленіе. Ломброзовская школа умерла, но внѣ-ломброзовская криминальная антропологія есть важная область юриспруденціи и особенно плодотворна Лионская школа. Тардъ также считаетъ школу Ломброзо уже мертвой*), но великая заслуга Ломброзо—та, что онъ возбудилъ общій интересъ къ криминальной антропологіи. Болѣе я ничего не понималъ изъ рѣчи Тарда; можетъ-быть мое разочарованіе въ немъ и преждевременно; но безспорно, что онъ обладаетъ способностью го-

*) Итальянскій посланникъ въ Бельгіи, Рензинъ, въ послѣднемъ засѣданіи отвѣчалъ на эти по меньшей мѣрѣ неприличныя замѣчанія (Тардъ—литературный противникъ Ломброзо, составившій себѣ имя нападками на Ломброзо); онъ весьма тонко подчеркнул неумѣстность этихъ замѣчаній, сказавъ, что еслибы представители итальянской школы присутствовали на конгрессѣ, они доказали бы, что они живы, что доказывается и ихъ трудами; весь свѣтъ призналъ заслуги и права на первенство этихъ ученыхъ.

ворить крайне неясно и несодержательно; пальма первенства на конгрессѣ въ этомъ отношеніи принадлежала ему.

Докладъ *Дриля*, какъ то видно изъ самаго заглавія «Основные принципы криминальной антропологіи», не содержалъ чего-либо новаго; тѣмъ не менѣе онъ заслуживалъ вниманія, какъ ясный перечень тѣхъ идей, которыя выработала криминальная антропологія и съ которыми приходится считаться даже тѣмъ, кто нѣсколько лѣтъ тому назадъ смотрѣлъ на криминальную антропологію какъ на увлеченіе нѣсколькихъ естественниковъ, занявшихся непонятною для нихъ спеціальностью.

Авторъ резюмируетъ принципы криминальной антропологіи слѣдующимъ образомъ: 1) криминальная антропологія понимаетъ наказаніе только какъ защиту общества отъ того вреда, который причиняется преступленіемъ; 2) криминальная антропологія изучаетъ не преступленіе, а преступника, и тѣ условія, которыя создаютъ преступника и преступления; 3) криминальная антропологія принимаетъ, что преступленіе есть результатъ совокупности двухъ факторовъ: личности преступника и внѣшнихъ условій; 4) на основаніи точныхъ изслѣдованій криминальная антропологія признаетъ, что преступникъ обладаетъ несовершенною, болѣзненной организаціей, вслѣдствіе чего онъ не можетъ приспособиться къ средѣ, не можетъ выносить тяжести жизни; 5) криминальная антропологія принимаетъ три группы причинъ преступленія: а) внутреннія и непосредственныя, лежащія въ организаціи преступника, б) отдаленныя, заключающіяся въ тѣхъ условіяхъ, которыя вліяли на развитіе преступной организаціи, в) predisposing причины, которыя наталкиваютъ эти неуравновѣшенныя натуры на преступленіе; 6) криминальная антропологія научно изучаетъ преступность, какъ соціальное явленіе, вообще сближаетъ криминологию съ соціологіей и стремится изучить всѣ причины преступленія, для того чтобы найти, какъ и чѣмъ предупредить преступленіе; 7) этимъ самымъ признается неэффективность репрессивныхъ мѣръ; нужно изучить причины преступленія и, устранивъ причины, избавить общество отъ опасности. Авторъ увѣренъ, что когда будетъ доказано и всѣми понято вліяніе нищеты, антигигіеническихъ условій жизни и т. п. на развитіе преступности, человѣчество не остановится ни передъ какими жертвами для уничтоженія преступности. Г. Дриль категорически призналъ великія заслуги Ломброзо и вполне вѣрно

указаль, что настоящій съѣздъ своимъ существованіемъ обязанъ этому неутомимому изслѣдователю.

Сообщеніе г. Дриля послужило предлогомъ для общаго и всесторонняго обсужденія значенія криминальной антропологии вообще и значенія Ломброзо и его послѣдователей въ частности. Очевидно было общее желаніе высказаться по этому поводу, хотя сообщеніе г. Дриля, строго говоря, не могло служить исходнымъ пунктомъ дальнѣйшихъ преній. Общій вопросъ для всѣхъ былъ самымъ важнымъ, и поэтому всѣ пренія были выслушаны съ величайшимъ вниманіемъ. Пренія открылъ прокуроръ Харьковской судебной палаты Закревскій. Съ краснорѣчіемъ, которому могли позавидовать французы, г. Закревскій высказаль, что о школѣ Ломброзо теперь говорить нечего, такъ какъ она уже отошла въ область исторіи; она умерла преждевременною смертью, но заслуга Ломброзо, которой никто отрицать не будетъ, это то, что онъ обратиль вниманіе на изученіе преступника, и дѣйствительно юристы, отставшіе отъ тѣхъ громаднхъ успѣховъ, которые сдѣлали психологія и психіатрія, должны пополнить свои познанія, должны искать другихъ путей. Всѣ же теоріи Ломброзо, какъ основанныя на недоказательныхъ изслѣдованіяхъ, не имѣютъ никакого значенія. Затѣмъ говорилъ товарищъ прокурора въ Тонгерѣ Мейеръ. Онъ весьма мягко защищаль классическую школу права, доказывая, что криминальная антропология стремится низвести значеніе наказанія, понимаемаго только какъ средство защиты общества, но не отрицаль того, что успѣхи психіатріи научили юристовъ смотрѣть на нѣкоторыхъ преступниковъ какъ на больныхъ. Поэтому, «когда юристъ сомнѣвается, онъ приглашаетъ на помощь врача».

Весьма умно и съ большимъ краснорѣчіемъ говорилъ аббать де-Баэ (de-Baets), авторъ книги: «Les bases de la morale et du droit» 1892. Онъ вполнѣ основательно указаль, что научное изслѣдованіе непремѣнно должно быть всестороннимъ, и что поэтому ни изученіе организациі преступника, ни изученіе соціальнхъ условій преступленія еще не составляютъ научнаго изслѣдованія вопроса; забываютъ изслѣдовать нравственное начало преступника, которое, конечно, играетъ громадную роль. На основаніи самаго тщательнаго изученія нѣсколькихъ сотъ преступниковъ онъ убѣдился, что преступникъ сознаетъ свою вину, что ему не чужды угрызения совѣсти; онъ помнитъ только одно-

го преступника, не понимавшаго нравственного закона. Для пониманія преступленія, для борьбы съ нимъ нужно изучать и эту сторону челоѣка, а не игнорировать ее *). Рѣчь де-Баэ неоднократно прерывалась шумными рукоплесканіями.

Пренія о значеніи криминальной антропологии вообще и школы Ломброзо въ частности заняли почти два засѣданія. Нѣкоторые ораторы говорили весьма краснорѣчиво, и нѣтъ возможности изложить все ими сказанное. Общій смыслъ всего сказаннаго можно резюмировать слѣдующимъ образомъ.

Ломброзо оказалъ громадное вліяніе на науку о преступленіи; еслибы даже вся его заслуга состояла въ томъ, что онъ ввелъ въ общее употребленіе новое понятіе—«преступный челоѣкъ», то и въ такомъ случаѣ онъ имѣлъ бы почетное мѣсто въ исторіи; этотъ ученый съ энергіей и настойчивостью бойца создалъ новое направленіе, новую школу; благодаря ему, на первый планъ выступило изученіе преступника; онъ воспользовался методами естествознанія для изученія преступленія, сблизилъ юриспруденцію съ медициной, далъ новое направленіе дѣятельности юристовъ, которые до него совсѣмъ не занимались тѣми вопросами, которые стали теперь общимъ достояніемъ. Плодотворность направленія, даннаго Ломброзо, доказывается и тѣмъ живымъ участіемъ, съ которымъ всѣ относятся къ его ученію, и быстрымъ прогрессомъ тѣхъ общихъ идей, которыя легли въ основу криминальной антропологии; такъ первый конгрессъ въ Римѣ занимался изученіемъ личности преступника, слѣдующій въ Парижѣ выдвинулъ на первый планъ изученіе социальныхъ условій, формирующихъ эту личность, настоящій конгрессъ уже занимается практическими вопросами, вытекающими изъ изученія преступника съ помощью методовъ, которыми впервые воспользовался Ломброзо. Какъ и во всякомъ новомъ ученіи, въ заключеніяхъ Ломброзо много невѣрнаго, много недоказаннаго, но уже теперь криминальная антропология дала не мало положительнаго, что во многомъ измѣнило прежніе взгляды юристовъ; ученіе о вліяніи наслѣдственности, о значеніи алкоголизма, о вырожденіи многихъ преступниковъ, о патологическомъ происхожденіи мно-

---

*) Замѣчу кстати, что Ломброзо очень обстоятельно изучалъ нравственную сторону преступника и даже собралъ и издалъ «тюремную литературу» (Palimsesti del carcere, 1888) и не его вина, что на настоящемъ конгрессѣ всѣ позабыли эту сторону.

гихъ преступлений, несовершенной организаціи многихъ неисправимыхъ преступниковъ—все это положительныя приобрѣтенія. Всякій юристъ съ уваженіемъ и живѣйшимъ интересомъ долженъ отнестись къ «научному» изученію преступника, воспользоваться научными методами, выработанными естествознаніемъ; нѣтъ сомнѣній, что дальнѣйшее изученіе въ данномъ направленіи приведетъ къ положительнымъ заключеніямъ. Теперь только, благодаря тому, что отмѣчено значеніе личности преступника, мы начали обращать вниманіе на преступника, какъ на конкретнаго человѣка, а не ограничиваться признаніемъ выработанныхъ формулъ, т.-е. статей закона. Позитивная школа права оцѣнила значеніе криминальной антропологіи и стремится изучать преступленіе не только какъ социальное явленіе; но она не придаетъ такого первенствующаго значенія изученію организаціи преступника, какъ то дѣлають представители итальянской школы, полагая, что такое изученіе—только часть всей задачи криминологіи, чего, впрочемъ, не отрицаетъ и самъ Ломброзо. Напрасно полагають, что криминальная антропологія унижаетъ значеніе уголовного права, признавая за наказаніемъ лишь средство защиты общества. Наконецъ, какъ справедливо указалъ Пренсъ, въ криминальной антропологіи нѣтъ чего-либо грубо-матеріалистичнаго: величайшій спиритуалистъ Платонъ обсуждалъ вопросъ о «неисправимыхъ преступникахъ», многія нравственныя секты не допускали «свободы воли». Всѣ дебаты были прослушаны съ большимъ вниманіемъ, и почти всѣ ораторы были награждены рукоплесканіями. Особенно аплодировали Ванъ-Гамелю, сказавшему въ отвѣтъ Мейеру: «мы (юристы) должны обращаться къ врачамъ не только тогда, когда мы сомнѣваемся, но для того, чтобы научиться сомнѣваться (*apprendre à douter*)». Многіе, можно сказать всѣ, нашли, что Ванъ-Гамель этимъ выраженіемъ весьма вѣрно и мѣтко охарактеризовалъ, какъ въ наше время юриспунденція должна относиться къ медицинѣ, т.-е. естествознанію; выраженіе это неоднократно повторялось многими въ дальнѣйшихъ преніяхъ.

III.

Съ большимъ вниманіемъ и интересомъ конгрессъ отнесся къ сообщенію *Маньяна* «Преступныя навязчивыя идеи»; докладъ *Ладама* «Навязчивое стремленіе къ убійству» послужилъ лишь къ

разъясненію затронутого вопроса, что было сдѣлано *Гарнье*. Такъ какъ ничего новаго ни въ обоихъ докладахъ, ни въ рѣчи *Гарнье* не было, я ограничусь лишь краткимъ упоминаніемъ объ этой части занятій конгресса. Значеніе, которое имѣло сообщеніе *Маньяна*, объясняется тѣмъ, что большинство членовъ не знакомы съ психіатріей, а также личностью автора, его умѣньемъ ясно излагать и, кромѣ того, какъ мнѣ казалось, живымъ интересомъ юристовъ къ психіатріи и ихъ стремленіемъ высоко цѣнить психопатологію въ пониманіи преступности. Для знакомыхъ съ психопатологіей хорошо извѣстно ничтожное значеніе затронутого *Маньяномъ* вопроса, такъ какъ преступленія вслѣдствіе навязчивыхъ идей и состояній крайне рѣдки. Сообщеніе *Маньяна* состояло въ описаніи общеизвѣстныхъ признаковъ, характеризующихъ навязчивыя идеи, и въ краткомъ изложеніи нѣкоторыхъ видѣнныхъ имъ случаевъ, уже давно имъ описанныхъ. Сами больные (почти всегда вырождающіеся) понимаютъ нелѣпость этихъ идей и связанныхъ съ ними желаній, понимаютъ, что онѣ чужды ихъ сознанію, но не могутъ ихъ подавить и страдаютъ по этому поводу, что выражается и физическими признаками (сердцебиеніе, блѣдность и т. д.). *Маньянъ* сюда же причисляетъ и извращеніе полового чувства и вкратцѣ повторилъ свою статью, напечатанную въ 1885 г. въ «Вѣстникѣ психіатріи» проф. *Мержеевскаго*. Къ счастью, какъ то хорошо извѣстно, навязчивыя идеи рѣдко переходятъ въ дѣйствіе, въ томъ числѣ и въ преступное. Въ сообщеніи *Ладама* заслуживаетъ вниманія его указаніе на значеніе подражанія, объясненіе его механизма и указаніе на вредное вліяніе газетныхъ отчетовъ, подробно описывающихъ самыя ужасныя преступленія. На болѣзненныхъ субъектовъ такіе отчеты дѣйствуютъ какъ толчокъ къ преступленію. Тутъ, я думаю, много преувеличенія; гораздо болѣе вреда приноситъ чтеніе судебной хроники для здоровыхъ, а равно и посѣщеніе ими судебныхъ засѣданій.

Гарнье вполне вѣрно отгѣнилъ отличіе этого болѣзненнаго явленія отъ другихъ, на него похожихъ: это — ясное сознаніе и пониманіе своего положенія, внутренняя борьба и физическія явленія, сопровождающія эту борьбу. *Бенедиктъ* старался доказать, что такое патологическое состояніе не рѣдко бываетъ причиной преступленій, и даже повторныхъ преступленій, причемъ сослался на двухъ министровъ юстиціи въ Австріи и

директора полиціи, признававшихъ, что нѣкоторыя преступленія можно объяснить только такимъ образомъ. Тири—того же мнѣнія; въ подтвержденіе своего взгляда онъ прочиталъ исповѣдь одного рецидивиста. Къ сожалѣнію, изслѣдованіе и точное опредѣленіе въ такихъ случаяхъ очень трудно, тѣмъ болѣе, что довѣрять обвиняемому, а тѣмъ болѣе рецидивисту, мы положительно не можемъ. Ничего новаго, что помогло бы намъ ориентироваться въ подобныхъ случаяхъ, конгрессъ не выработалъ и о самомъ важномъ — психологическомъ анализѣ и патогенезисѣ этого патологическаго явленія—не упоминалось, хотя работы Фулье даютъ намъ возможность болѣе глубоко понимать эти факты.

Болѣе плодотворны были занятія сѣзда по вопросу о значеніи «внушенія», какъ причины преступленій.

Бенедиктъ, *Вуазенъ* и *Берильонъ* прочли свои доклады «О преступныхъ внушеніяхъ и уголовной отвѣтственности». Бенедиктъ съ мужествомъ, достойнымъ полнаго уваженія, отрицалъ вообще возможность преступленій подъ вліяніемъ «внушенія», съ рѣзкостью, возможною на конгрессѣ, отнесся къ этому ученію и вообще къ современному увлеченію гипнотизмомъ и «внушеніемъ», показалъ, насколько большую роль въ этомъ увлеченіи играетъ легкомысліе наблюдателей, и даже не постѣснился упомянуть и о корыстолюбивыхъ поползновеніяхъ. Все это было высказано съ большимъ увлеченіемъ и краснорѣчіемъ. Послѣ его рѣчи весьма блѣдно и ничтожно было сообщеніе Вуазена, старавшагося, на основаніи своихъ весьма немногочисленныхъ наблюденій, доказать возможность преступленій подъ вліяніемъ «внушенія». Докладъ Берильона *) былъ въ сущности возраженіемъ Бенедикту и не содержалъ ничего новаго; Берильонъ (и я думаю вполне основательно) принялъ обвиненія Бенедикта на свой счетъ, говорилъ о безкорыстїи приверженцевъ ученія о возможности преступленій подъ вліяніемъ внушенія, о своихъ опытахъ; но такъ какъ все это имъ было говорено и писано много разъ, я не буду повторять этого вздора.

По этому же вопросу говорили Крокъ, разъяснившій вполне научно различіе между гипнотизмомъ и «внушеніемъ», Мазоентъ, допускавшій возможность преступленій подъ вліяніемъ внушенія, Мендель и Мотэ. Мотэ, почтенный и весьма опытный врачъ, до-

*) Не слѣдуетъ смѣшивать съ однофамильцемъ-антропологомъ.

казывалъ, что пока мы не имѣемъ никакихъ данныхъ признавать «внушеніе» какъ двигатель преступленія, но что всегда глупые, безхарактерные, съ слабою волей, поддавались воздѣйствію на нихъ болѣе сильныхъ, что хорошо извѣстно законодателямъ всѣхъ странъ. Мендель раздѣляетъ взглядъ Бенедикта; онъ также сомнѣвается въ тѣхъ чудесныхъ исплненіяхъ внушеніемъ, которыя теперь столь часто описываются, такъ какъ самъ ничего подобнаго не видѣлъ. Наконецъ, въ отвѣтѣ Берильону, Вуазену и Мазоену, Бенедиктъ еще разъ подтвердилъ, что конечно крайне рѣдко преступленія могутъ быть объяснены «внушеніемъ», но такіе преступники безспорно больны, и нужно доказать ихъ болѣзнь, что само по себѣ освобождаетъ ихъ отъ отвѣтственности; вообще же современныя увлеченія «внушеніемъ» — результатъ крайней довѣрчивости наблюдателей, которыхъ истерички просто обманываютъ. Ни одного наблюденія надъ преступленіемъ вслѣдствіе «внушенія» до сихъ поръ неизвѣстно; всѣ опубликованные случаи ничего не доказываютъ; лично онъ, къ сожалѣнію, очень рѣдко видѣлъ тѣ чудесныя излѣченія путемъ «внушенія», которыя столь часты, по описаніямъ нѣкоторыхъ авторовъ, и онъ надѣется, что скоро это увлеченіе будетъ забыто.

Въ область судебной медицины входятъ доклады Де-Рода и Губерта — «Извращеніе половой дѣятельности и законодательство».

Де-Родъ въ бѣглому очеркѣ излагаетъ современное ученіе о патологическомъ извращеніи половой чувствительности и половой дѣятельности. Оригинальнаго или новаго тутъ ничего не было. Далѣе авторъ, говоря о мѣрахъ борьбы противъ этого зла, вполне справедливо указываетъ на значеніе воспитанія и привычки въ развитіи извращенія половой дѣятельности; несомнѣнно, какъ я это высказалъ въ 1881 г., что во многихъ случаяхъ переходъ отъ чувствованій и желаній къ извращеннымъ половымъ актамъ происходитъ вслѣдствіе нравственной распущенности, и авторъ вполне разумно обращаетъ вниманіе родителей и воспитателей на необходимость бороться съ этими стремленіями подростковъ, у которыхъ замѣчается эта патологическая особенность. Ново въ этомъ докладѣ указаніе на вредное вліяніе литературы по этому вопросу; дѣйствительно книжка Крафта Эбинга расходится такъ шибко, что не можетъ быть сомнѣнія, что громадное число ея экземпляровъ куплено лицами съ извращеніемъ половой чувствительности и любителями скабрѣзнаго; первые находятъ въ ней

оправданіе своихъ пороковъ, а вторые—такую грязь, какую нельзя, по милости цензуры, найти ни въ какомъ романѣ; не думаю, чтобъ эта книга, давшая много денегъ автору, дѣлала ему много чести.

Губертъ дополняетъ докладъ Де-Рода слѣдующимъ положеніемъ: подсудимые съ извращеніемъ половой чувствительности должны быть свидѣтельствуемы врачомъ; только врачъ можетъ рѣшить, есть ли въ данномъ случаѣ это болѣзнь или порочная привычка; лица съ такимъ порокомъ должны нести самое строгое наказаніе. Такое положеніе составило одинъ изъ тезисовъ моей докторской диссертациі, защищенной въ 1883 г.

Десять лѣтъ тому назадъ я опубликовалъ изслѣдованіе «Объ извращеніи полового чувства», въ которомъ было изложено все, составившее работу Де-Рода, и результаты собственнаго наблюденія, но работа моя была напечатана по-русски и осталась неизвѣстна даже русскимъ. Проф. Тарновскій, писавшій объ этомъ вопросѣ и переведшій свою работу на нѣмецкій языкъ, о ней не упоминаетъ. Восемь лѣтъ тому назадъ я высказалъ, что во всѣхъ случаяхъ извращенія полового чувства необходима судебно-медицинская экспертиза; и вотъ только теперь два профессора составляютъ доклады по этому вопросу и цѣлый конгрессъ занимается ими.

IV.

Среди практическихъ вопросовъ, обсуждавшихся на съѣздѣ первое мѣсто принадлежитъ, конечно, вопросу «О мѣрахъ по отношенію къ неисправимымъ». Два докладчика, *Ванъ-Гамель* и *Тири*, пришли почти къ одинаковымъ заключеніямъ (третій Мансъ не высказалъ ничего новаго, и докладъ его не отличался ясностью). Оба докладчика согласны, что между преступниками есть «неисправимые», по отношенію къ которымъ совершенно неудовлетворительны мѣры, принятыя въ современныхъ законодательствахъ. Всѣ понимаютъ, что, отбывъ срокъ заключенія, «неисправимые» снова начнутъ преступный образъ жизни, снова будутъ наносить вредъ обществу, и, тѣмъ не менѣе, имъ предоставляютъ къ тому полную возможность. Ванъ-Гамель остроумно назвалъ современныя уложенія о наказаніяхъ «прейсь-курантомъ преступленій»: «хочешь сдѣлать преступленіе, посмотри въ Уложеніе, чтó это стоить, отбудь заключеніе и выбирай снова какое хочешь». Защита развивающагося, идущаго къ высшимъ цѣлямъ

общества противъ лицъ вредящихъ ему—вотъ дѣйствительная задача законодательства, и для охраны законныхъ интересовъ общества должны быть приняты совсѣмъ *новыя* мѣры противъ неисправимыхъ преступниковъ. Оба докладчика признаютъ единственно рациональной мѣрой по отношенію къ неисправимымъ—присужденіе ихъ къ безсрочному заключенію, съ условнымъ за тѣмъ освобожденіемъ, если окажется, что преступникъ «исправился», т.-е. сталъ безопасенъ. Различіе между докладчиками—въ томъ, что одинъ предлагаетъ поручить условное освобожденіе суду, другой—смѣшанной комиссіи.

Тири не даетъ ясныхъ признаковъ для опредѣленія той категоріи преступниковъ, по отношенію къ которой необходимо безсрочное заключеніе, — онъ ограничивается общимъ опредѣленіемъ: «рецидивисты и вообще преступники, живущіе въ условіяхъ дурно вліяющихъ на ихъ нравственную сторону, т.-е. въ такихъ условіяхъ, которыя ведутъ къ преступленіямъ». Ванъ-Гамель весьма точно опредѣляетъ признаки «неисправимыхъ». Неисправимыми преступниками, кромѣ громаднаго большинства рецидивистовъ, слѣдуетъ считать тѣхъ, которые хотя бы въ единственномъ своемъ преступленіи проявили безчеловѣчность и вообще свои опасныя для общества стремленія. Поэтому онъ полагаетъ необходимымъ безсрочное заключеніе въ случаяхъ: а) убійства или попытки на убійство, если оно было обдуманно и сопровождалось жестокостью; б) взрыва, если таковой сопровождался опасностью для жизни; в) воровства, сопряженнаго съ насиліемъ; д) обмана, послѣ одного предварительнаго осужденія, простой кражи, послѣ двухъ предварительныхъ осужденій; е) покушеніе на изнасилованіе малолѣтнихъ, послѣ предварительнаго осужденія за преступленія противъ нравственности. Ванъ-Гамель, кромѣ того, внимательно разсмотрѣлъ вопросъ объ условномъ освобожденіи изъ заключенія; онъ отдѣляетъ тѣхъ преступниковъ, свобода которыхъ очень опасна для общества, отъ тѣхъ, которые не приносятъ большого вреда; примѣненіе освобожденія должно быть сообразно съ степенью опасности, которою угрожаетъ данный преступникъ, и если по отношенію къ преступникамъ менѣе опаснымъ примѣненіе этой мѣры возможно въ широкихъ размѣрахъ, то при освобожденіи болѣе опасныхъ преступниковъ необходимы доказательства, что обществу не угрожаетъ опасности.

Эта новая идея должна встрѣтить полное сочувствіе всѣхъ тѣхъ, для кого жизнь и счастье честныхъ людей болѣе цѣнно, чѣмъ свобода негодяевъ. Очевидно, что сентиментальныя утопіи смѣняются болѣе здравыми воззрѣніями и общество въ лицѣ лучшихъ юристовъ ищетъ рациональныхъ мѣръ для борьбы съ возрастающею преступностью. Замѣчу, кстати, что признаніе особой категоріи преступниковъ доказываетъ живучесть, т.-е. справедливость заключеній итальянской школы.

По поводу этихъ докладовъ были сдѣланы краткія замѣчанія Прэнсомъ, Мейеромъ и Дрилемъ. Первый говорилъ о трудности примѣненія безсрочнаго заключенія, послѣдній—о томъ, что для уменьшенія преступности нужно измѣнить тѣ соціальныя условія, которыя создаютъ преступниковъ.

Другой практической вопросъ, затронутый на конгрессѣ, это — «О необходимости психіатрическаго изслѣдованія нѣкоторыхъ подсудимыхъ». Докладчикъ *Гарнье*, на основаніи своего опыта, указалъ, что даже въ Парижѣ, гдѣ судьи и присяжные съ большимъ довѣріемъ относятся къ экспертизѣ психіатровъ, въ 5 лѣтъ онъ видѣлъ 250 душевно-больныхъ, присужденныхъ къ наказанію, почему, нужно думать, что такія ошибки, къ сожалѣнію, вообще не рѣдки. Для устраненія ихъ онъ считаетъ необходимымъ, чтобы въ тюрьмахъ были врачи-психіатры, которые всѣхъ подсудимыхъ и преступниковъ, относительно нормальности умственныхъ способностей которыхъ возникаетъ сомнѣніе, могли бы тщательно изслѣдовать; однако авторъ не указалъ подробно, какъ слѣдуетъ организовать психіатрической надзоръ въ тюрьмахъ. Изъ объясненій Мотэ оказалось, что при громадномъ числѣ разсмотрѣнныхъ въ парижскихъ судахъ дѣлъ, число ошибокъ, приводимое *Гарнье*, поистинѣ ничтожно; во всѣхъ тюрьмахъ есть врачи, которые и направляютъ въ спеціальныя заведенія всѣ подозрительные случаи. Вообще изъ этого доклада нельзя было почерпнуть чего-либо цѣннаго и новаго, и, очевидно, этотъ важный вопросъ нуждается еще въ дальнѣйшемъ, болѣе широкомъ изученіи.

Чисто практическому вопросу посвященъ былъ докладъ *Де-Бека* и *П. Отла* — «Пріютъ-тюрьма». Авторы доказываютъ необходимость особыхъ заведеній для преступниковъ, заболѣвшихъ душевною болѣзью, для подсудимыхъ, заподозрѣнныхъ въ разстройствѣ умственныхъ способностей, и наконецъ вообще для опасныхъ ду-

шевно-больныхъ; всѣ эти больные должны призрѣваться вмѣстѣ въ особыхъ заведеніяхъ; заведенія эти должны быть устроены спеціально ради опасныхъ для общества и для себя субъектовъ. Пять лѣтъ тому назадъ я доказывалъ необходимость особыхъ заведеній для душевно-больныхъ преступниковъ и для подсудимыхъ и не согласенъ съ докладчикомъ, что опасныхъ душевно-больныхъ лучше помѣщать въ эти пріюты, чѣмъ въ общія заведенія для душевно-больныхъ. Къ сожалѣнію, еще много любителей дѣлать добро на чужой счетъ, и эти мнимые филантропы хотятъ доставлять всевозможныя удобства арестантамъ на счетъ душевно-больныхъ, которымъ они навязываютъ общество преступниковъ. Можно также оспаривать предложеніе помѣщать опасныхъ душевно-больныхъ въ эти тюрьмы-пріюты и по чисто практическимъ соображеніямъ, а именно очень трудно опредѣлить, какіе душевно-больные дѣйствительно наиболѣе опасны, хотя дѣйствительно, въ видѣ исключенія, есть такіе больные, которыхъ положительно невозможно содержать въ общихъ заведеніяхъ для душевно-больныхъ. Пока не будетъ окончательно установлено, какихъ душевно-больныхъ слѣдуетъ считать опасными, до тѣхъ поръ осуществленіе предложенія докладчиковъ невозможно. Уваженіе къ человѣческому достоинству душевно-больныхъ и ихъ родственниковъ, а также общественная безопасность безусловно требуютъ, чтобы душевно больные преступники не содержались въ общихъ заведеніяхъ для душевно-больныхъ. Будемъ надѣяться, что и у насъ будутъ устроены такіе пріюты-тюрьмы, и тогда, можетъ-быть, вспомнятъ о моей попыткѣ обратить вниманіе кого слѣдуетъ на это дѣло. При обсужденіи этого доклада никакихъ возраженій по существу сдѣлано не было и такой авторитетный психіатръ, какъ Мотэ, категорически высказался за устройство такихъ пріютовъ.

Между докладами, посвященными практическимъ вопросамъ, для меня былъ особенно сампатиченъ докладъ *Винклера* о необходимости изученія криминальной антропологіи въ клиникахъ студентами-медиками и юристами. Я старался убѣдить студентовъ-юристовъ въ необходимости изученія основъ фізіологіи и патологіи нервной системы, въ продолженіе четырехъ лѣтъ читалъ лекціи по судебной психопатологіи и издалъ эти лекціи. Понятно поэтому, что для меня отрадно было убѣдиться, что дѣло, которому я послужилъ одинъ изъ первыхъ, находитъ себѣ за-

щитниковъ; по крайней мѣрѣ никѣмъ не было высказано сомнѣніе въ необходимости для современнаго юриста знанія началъ физиологіи и патологіи нервной системы. Самые авторитетные юристы настойчиво и неоднократно заявляли, что при современномъ развитіи юридическихъ наукъ юристы должны изучать физиологію и патологію нервной системы, должны усвоить себѣ методъ естествознанія вообще, что юридическія науки сближаются съ естествознаніемъ; юристы охотно сознавались, что юридическія науки отстали отъ тѣхъ успѣховъ, которые достигнуты естественно-историческимъ изученіемъ человѣка.

Кромѣ того конгрессъ высказалъ слѣдующія пожеланія: а) чтобы во всѣхъ странахъ была введена система Берильона (не слѣдуетъ смѣшивать съ однофамильцемъ, издателемъ *Revue de l'hypnotisme*) для антропологическаго опредѣленія преступниковъ; б) чтобы во всѣхъ странахъ былъ организованъ психіатрической надзоръ за тюрьмами, какъ это уже устроено въ Бельгіи; с) чтобы о каждомъ преступникѣ были собираемы самыя подробныя свѣдѣнія, съ тою цѣлью, чтобы судъ могъ правильно судить о томъ, въ какихъ случаяхъ необходима врачебная экспертиза.

Четвертый конгрессъ назначенъ въ Женевѣ въ 1896 г. Кромѣ того экстраординарный конгрессъ соберется въ Чикаго въ будущемъ году.

Заканчивая описаніе занятій брюссельскаго конгресса, я позволю себѣ указать на тѣ его результаты, которые могутъ считаться положительнымъ приобрѣтеніемъ. Лучшимъ доказательствомъ важнаго значенія криминальной антропологіи и вообще того направленія въ изученіи преступника, которое было дано Ломброзо, это—плодотворность всѣхъ трехъ конгрессовъ по криминальной антропологіи. Первый конгрессъ былъ настоящимъ событіемъ, второй очистилъ ученіе итальянской школы отъ неизбежныхъ, въ каждой новой области изслѣдованія, ошибокъ; настоящій доказалъ безуспѣшность попытокъ опровергнуть основы ученія криминальной антропологіи и, наконецъ, занялся изученіемъ практическихъ вопросовъ, вытекающихъ изъ новаго ученія. Ничто такъ не доказываетъ успѣха ученія, какъ стремленіе воспользоваться его выводами для практическихъ цѣлей. Нельзя не принимать въ расчетъ, что доклады о мѣрахъ по отношенію къ неисправимымъ преступникамъ принадлежали юристамъ, изъ

которыхъ одинъ пытался опровергнуть данныя ученія Ломброзо, другой (Ванъ-Гамель)—весьма талантливый ученый. Конечно, практическія предложенія, выработанныя настоящимъ конгрессомъ, еще не скоро будутъ осуществлены, но безспорно, что они рано или поздно повліяють на жизнь; по крайней мѣрѣ въ Бельгіи уже годъ тому назадъ опубликовано повелѣніе, устанавливающее надзоръ психіатровъ въ тюрьмахъ. Всѣ тюрьмы раздѣлены на три округа; въ каждомъ округѣ особый психіатръ обязанъ изслѣдовать психическое состояніе арестантовъ—для чего ему предоставлена полная возможность—и о результатахъ своего изслѣдованія доносить непосредственно министру юстиціи: такимъ образомъ въ Бельгіи уже осуществлено первое и самое главное практическое требованіе криминальной антропологіи. Нужно ждать, что скоро тамъ будутъ осуществлены и другія подобныя мѣры.

Вотъ главная заслуга настоящаго конгресса; участвовавшіе въ немъ, конечно, не пожалѣють о затраченномъ времени; по крайней мѣрѣ, я очень доволенъ, что былъ въ Брюсселѣ: весьма поучительно выслушать различныя мнѣнія и по истинѣ пріятно слышать такихъ блестящихъ ораторовъ, каковы Ванъ Гамель, де-Баэ, Пренсъ; наконецъ, на конгрессѣ можно ближе присмотрѣться къ товарищамъ и, на примѣръ, теперь, несмотря на все умѣніе французовъ возвеличивать своихъ ученыхъ, я знаю, что такое Лакасанъ, Гардъ и проч.

В. Чижъ.

16 августа 1892 года.
